

К. В. ХВОСТОВА

АНТИЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИХ АГРАРНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Изучение аграрноправовых отношений поздней Византии предполагает как исследование этих отношений в целом, так и характеристику отдельных феноменов. Это изучение требует применения комплексного метода, включающего элементы социологического и конкретно-исторического исследования. Необходимо составить дескриптивную характеристику сложных и противоречивых явлений аграрноправового развития поздней Византии, сконструировать их конкретно-историческую модель, определить каузально-функциональные и генетические связи рассматриваемых явлений. Наряду с этим необходимо выявить и специально рассмотреть систему и структуру этих отношений¹ в целом, равно как систему и

¹ Идея необходимости изучения общественных, в том числе и исторических, феноменов в терминах системно-структурного анализа в настоящее время получает все большее распространение как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Под системой подразумевается «совокупность, комплекс взаимодействующих тем или иным образом компонентов» (В. Г. Афанасьев. О принципах классификации целостных систем. — *Вопросы философии*, 1963, № 5, стр. 63); «особый способ внутренней взаимосвязи, организации целого составляет его структуру» (там же, стр. 32). О методе системно-структурного анализа в социальных науках см. также: Б. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования. М., 1961; В. И. Свидерский. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. М., 1962; «Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции». М., 1965; М. А. Барг. Структурный анализ в историческом исследовании. — *Вопросы философии*, 1964, № 10; Е. М. Штаерман. О повторяемости в истории. — *ВИ*, 1965, № 7; L. Sebag. *Marxisme et structuralisme*. Paris, 1964. Эта проблема широко разрабатывается в буржуазной социологии и антропологии различных направлений. См. G. P. Murdock. *Social Structure*. N. Y., 1949; M. Fortes. *Time and Social Structure*. — In: «*Social Structure*», ed. A. R. Radcliffe-Brown Oxford, 1949; C. Lévi-Strauss. *Social Structure*. Paris, 1953; A. R. Radcliffe-Brown. *Structure and Functions in Primitive Society*. London, 1952; R. Firth. *Elements of Social Organization and Value*. London, 1964; S. F. Nadel. *Theory of Social Structure*. London, 1965; T. Parsons. *Recent Trends in Social-Functional Theory*. — «*Fact and Theory in Social Science*», 1964, № 4; D. Goddard. *Conception of Structure in Lévi-Strauss and British Anthropology*. — «*Social Research*», t. 32, 1965, № 4; «Sens et usage du terme structure dans les sciences humaines et sociales», ed. R. Bastide. Paris, 1962; G. Gurvitch. *La vocation actuelle de la sociologie*, t. 1. Paris, 1963; idem. *Traité de sociologie*, t. 1. Paris, 1963. Необходимость внедрения системно-структурного анализа в исторические исследования диктуется прежде всего потребностью унификации социально-исторической терминологии, настоятельной потребностью представить историческую действительность в универсальных терминах, позволяющих в рамках индивидуальных и специфических концепций исследователя дать объективное описание исторических феноменов. Кроме того, как уже отмечалось в советской исторической литературе, системно-структурный анализ исторической действительности дает возможность конкретизировать понятие социально-экономической формации, выявить определен-

структуру отдельных их проявлений. Сопоставление системы и структуры византийских аграрноправовых отношений в целом и их отдельных проявлений с соответствующими системами и структурами этих отношений в других странах дает возможность определить принадлежность византийских аграрноправовых отношений, а также отдельных их феноменов к определенному исторически сложившемуся типу названных отношений. Наряду с этим подобное системно-структурное сопоставление позволяет установить специфические индивидуальные черты византийских аграрноправовых отношений, придающие им чрезвычайную сложность и многообразие.

Несомненно, значительная часть как типичных, так и специфических черт системы и структуры византийских аграрноправовых отношений, в том числе и интересующего нас времени, определялась генетической связью этих отношений с античными институтами и отношениями. Эта связь проявлялась в форме корреляции², функционально-каузальной зависимости и в форме социальной диффузии, т. е. непосредственной преемственности ряда античных институтов и отношений в позднее время.

В данной статье мы попытаемся определить, в какой мере античное влияние в той или иной форме проявлялось в сфере аграрноправового строя поздней Византии.

Изучение влияния античности на поздневизантийские аграрноправовые отношения предполагает сопоставление этих отношений и институтов с античными отношениями и институтами как в плане сравнительного изучения систем и структур античных и поздневизантийских аграрноправовых отношений, так и в плане установления генетических связей. Сравнительное сопоставление систем и структур предполагает характеристику феноменов в синхронных терминах. При таком исследовании происходит как бы выключение времени — прием, нередко используемый в социальных и, в частности, в исторических исследованиях³. Установление генетических связей предполагает дескрипцию феномена в полихронных терминах, учет временного фактора. Сочетание методов синхронного и полихронного анализов позволяет представить одновременно как социальную статику, так и социальную динамику в отношении интересующего нас феномена, позволяет наиболее детально показать его сложное взаимодействие с внешней социальной средой, его социальную роль в системе общественных отношений страны, а также среди известных всемирной истории типов аграрноправовых отношений. Выявление античных элементов и определение масштабов социальной роли античных отношений и институтов применительно именно к поздневизантийским аграрноправовым отношениям объясняется стремлением сопоставить как в плане генетическом, так и в плане системно-структурного анализа ярко выраженные, гетерогенные социальные феномены, характеризующиеся резко отличающимися отношениями и институтами. Античные аграрноправовые феномены отличались значительным своеобразием

ные типы формаций, а также определить типы социально-экономических феноменов в рамках определенной формации.

В работах советских исследователей, к сожалению, зачастую не указывается, что термин «структура» в социальное исследование был введен К. Марксом.

² Корреляция — это связь, при которой причинное влияние какого-либо фактора на определенное явление осложняется влиянием побочных факторов, имеющих второстепенное значение, или же оба влияющих на какое-либо явление фактора зависят от некоторых общих для них условий. См. А. Н. Самойлов. Корреляция как форма связи. — «Проблемы исследования систем и структур», стр. 108.

³ Б. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования, стр. 56.

и представляли собой определенный гомогенный тип аграрноправовой системы и структуры. Что же касается поздневизантийских аграрноправовых отношений, то они характеризовались интенсивным развитием феодальных отношений, что придает аграрноправовой системе и структуре также замкнутый гомогенный характер. Сопоставление двух названных типов систем и структур, разделенных столь значительным промежутком времени, дает возможность представить поздневизантийский аграрноправовой строй как явление историческое, как результат социальной эволюции, как определенный социально-исторический синтез. Динамика и диалектика составляют, таким образом, необходимое следствие применения названного компаративного метода.

Влияние античных отношений и институтов, как известно, не ограничивалось сферой византийского аграрноправового строя. В литературе неоднократно подвергалось изучению античное влияние на формирование византийской культуры, права, философии. Что же касается воздействия античных социальных институтов на византийский аграрноправовой строй, то этот вопрос до сих пор не затрагивался в литературе. Однако не подлежит сомнению, что проявление античного прошлого в форме сложного корреляционного воздействия перекрещивающихся факторов, каузально-функциональной зависимости, равно как и в форме непосредственной преемственности античности, в сфере аграрноправовых отношений Византии, в частности в позднее время, было весьма значительным и своеобразным. В целом византийский аграрноправовой строй, в том числе и его позднейшие проявления, сложился под перекрещивающимся корреляционным влиянием социально-экономических и политических факторов, генетически связанных с отношениями и институтами позднего Рима. Этими факторами были сильная государственная власть, ведущая свое происхождение от римской государственной власти, разветвленная система налогов, унаследованная с римских времен, и частная собственность на землю, юридически оформленная римским вещным правом, являвшимся составной частью византийского действующего права.

Каждый из названных факторов или то или иное сочетание их вызвали к жизни функционирование тех или иных византийских аграрноправовых институтов. Совокупное воздействие этих факторов привело к тому, что в целом аграрноправовой строй Византии отличался значительной спецификой. Что касается поздневизантийских аграрноправовых отношений эпохи бурного развития феодализма, то следует отметить, что воздействие античных институтов привело к особой специфике феодальных отношений, к сложной их модификации, обусловившей наличие в Византии исторически особого типа феодализма. В общем и целом византийская аграрноправовая система и структура отличались от соответствующих форм социальных интеграций Запада и Востока, однако некоторые аграрноправовые феномены Византии, возникшие под влиянием права частной собственности на землю, зафиксированного византийским вещным правом, сближают византийский аграрноправовой строй с соответствующими отношениями Запада, так как на Западе частная собственность на землю, хотя и имевшая в отличие от Византии преимущественно перархическую структуру, также являлась доминирующим фактором в развитии аграрноправовых отношений.

Другие особенности византийских аграрноправовых отношений, сформировавшиеся под влиянием сильной государственной власти и разветвленной системы налогов, оказываются сходными с соответствующими социальными институтами и отношениями стран средневекового Востока, где аграрноправовая система и структура формировались также под сильным влиянием названных факторов. В частности, системно-структурные

особенности византийских рентных отношений сочетали в себе черты, характерные для западного и восточного типа рентных отношений⁴.

В этой связи остановимся кратко на проблеме типологии частновладельческих феодальных рент. Как и всякие ренты, феодальные ренты возникали как форма компенсации собственнику со стороны держателя за владение землей. В отличие от других форм компенсации за владение чужой землей, например от арендной платы, при всяких рентах, в том числе и при феодальных, затраты труда и капитала отражаются в той или иной мере на особенностях системы и структуры рентных отношений, однако не влияют на их генезис. Отличие феодальных рент состоит в том, что они возникают в результате держания земли, осложненного наличием определенного типа личных связей между держателем и собственником. Феодальная рента не является поэтому сугубо экономическим явлением как рента капиталистическая, ее система и структура не зависят исключительно от экономической конъюнктуры, а определяются корреляцией различных социальных факторов, в частности правового и морального характера. Рента при феодализме нередко совпадает с арендной платой, поскольку не существует резкой грани между держанием и арендой. Последнее связано с тем, что большинство арендаторов не являются лично свободными людьми, а находятся в той или иной зависимости от собственника. Арендная плата в таком случае утрачивает сугубо экономический характер, отражая также и личные отношения контрагентов. То обстоятельство, что феодальные ренты не являются сугубо экономическим феноменом, проявляется, в частности, в том, что некоторые виды феодальной ренты имеют внеэкономическое происхождение, они возникают из переданных государственных налогов.

Судьба пожалованных землевладельцу государственных налогов была в разных странах и в разные периоды различной. Во многих странах феодального Востока государственные налоги после пожалования их частному землевладельцу не утрачивали своего публичноправового характера, т. е. продолжали регламентироваться публичным правом. Становясь с социально экономической точки зрения рентой, в юридическом отношении эти ренты представляли собой ренты публичноправового характера. Распространение, а иногда доминирование рент публичноправового типа объясняется значительными масштабами социальной активности государственной власти, проводившей интенсивную экономическую политику, а также наличием разветвленной налоговой системы. Распространение публично-правовых рент свидетельствует о политике ограничения со стороны государства экономических прерогатив собственника, о вмешательстве государства в частновладельческие отношения.

Иной тип частновладельческих рент был распространен на Западе. Большинство рент имело частноправовое происхождение. Они возникали в каждом владении в результате корреляции многих разнородных факторов и регламентировались обычным правом, являвшимся в средние века одним из проявлений частного права. Некоторые ренты, правда, и на Западе происходили из пожалованных налогов, однако после пожалования частному земельному собственнику эти налоги утрачивали свой публичноправовой характер и регламентировались частным правом. Ренты на Западе в большей степени отражали экономическую конъюнктуру, чем

⁴ Говоря о западном и восточном типах рентных отношений, равно как и о западном и восточном типах других проявлений аграрноправовых отношений при феодализме, мы имеем в виду, естественно, наиболее общие и распространенные проявления, наиболее универсальный тип социальных связей, т. е. конструируем некую социологическую модель, отвлекаясь от многих конкретно-исторических проявлений и модификаций во времени и пространстве.

ренты на Востоке. Однако наряду с этим западный тип рент гораздо в большей степени, чем ренты на Востоке, отражал влияние личных связей. Распространение частнопровых рент на Западе связано с той огромной социальной ролью в системе общественных отношений, какую играла здесь в эпоху феодализма частная поземельная собственность, выступающая в форме специфической для феодализма иерархической структуры.

Рентные отношения в Византии складывались в специфических социально-экономических и политических условиях. Сильная государственная власть отличалась значительным диапазоном социальной активности и энергично вмешивалась в частновладельческие отношения. Одной из форм такого вмешательства было пожалование государственного налога частному земельному собственнику. После пожалования налог продолжал оставаться в сфере публичного права. Государственные чиновники по-прежнему входили на территорию частного земельного собственника и регламентировали ставки пожалованного государственного налога, взимаемого с крестьян и переданного землевладельцу. Большинство рент, возникших из пожалованных налогов, имело, таким образом, публично-правовое происхождение, публично-правовой характер.

Однако далеко не все ренты в Византии носили публично-правовой характер. Большинство доходов землевладельца, а именно доходы, получаемые с земель, не находившихся в крестьянском держании и эксплуатируемых посредством барщины или сдачи в аренду, носили частнопровой характер. Некоторые из этих доходов являлись рентой. Барщина, исполняемая париками, была феодальной отработочной рентой, рентный характер носили, безусловно, и многие виды арендной платы. Поскольку земли, не находившиеся в крестьянском держании, составляли в Византии огромные комплексы, можно считать, что рента частнопрового характера играла немалую роль⁵. В целом византийская рента носила смешанный характер.

⁵ Что же касается поздневизантийского времени, то для него характерно увеличение доли частнопровой ренты в системе рентных отношений страны, а также, соответственно, рост социальной роли этого типа рент. Рост частнопровых рент происходит в результате превращения некоторых видов публично-правовых рент в частнопровые. К таким видам ренты относится телос (основной вид ренты, возникшей из пожалованного налога) некоторых категорий париков, в первую очередь телос париков, обладавших незначительным земельным наделом (менее 25 модиев). При определении ставок телоса этого вида учитывалось как движимое, так и недвижимое имущество. При этом отсутствовала денежная оценка имущества, практиковавшаяся в тот же период на Западе. Исчезли также строго установленные критерии приравнивания при обложении отдельных податных объектов друг к другу, как это имело место в позднеримское время при Диоклетиановой системе обложения, когда существовали фискальные единицы *jugum* и *caput*, при помощи которых определенное количество движимого имущества приравнивалось при обложении к недвижимости определенных размеров. Отсутствие денежной оценки имущества, а также четких фискальных единиц типа *jugum* и *caput* привело к тому, что при обложении телосом париков, обладавших незначительными земельными наделами, не существовало строгих, заранее установленных норм обложения, поэтому ценность имущества определялась как бы на глаз и налоговые ставки устанавливались в соответствии с диспозитивным правом, т. е. в значительной степени в зависимости от усмотрения апографевса — чиновника, производившего опись владений и доходов с них. Апографевс при исчислении налоговой ставки мог учесть частновладельческие интересы или крупных земельных собственников, или непосредственных налогоплательщиков. Таким образом, при обложении допускался всевозможный произвол, а также представлялись льготы (например, подать повышалась или понижалась, несмотря на отсутствие каких-либо изменений в размерах имущества). Ф. Дэльгер считает, что льготы, предоставляемые апографевсами, и допускаемый ими произвол — это результат их недобросовестности (F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, S. 192 f.). Случаи недобросовестности апографевсов, бесспорно, имели

Под влиянием права частной собственности на землю в Византии, так же как и на Западе, значительное распространение получили пожалования со стороны верховной власти различным физическим или юридическим лицам земельных владений во временное, условное или полное, безусловное владение, тогда как на Востоке, в условиях признания мусульманским правом государственной собственности на всю государственную территорию, физическим и юридическим лицам жаловался с точки зрения права государственный налог, а не земля. Такой характер носили различного вида мусульманские икта, османский тимар и т. д. (другое дело, что *de facto* икта и тимар в результате узурпации или пожалования иктадару или тимариоту различных вещных прав на землю превращались в земельное владение)⁶. Огромная социальная роль частной собственности на землю в Византии влияла на развитие иммунитета. На протяжении всей византийской истории происходил в форме предоставления иммунитетных привилегий переход публичной власти в руки физических или юридических лиц⁷.

В то же время под влиянием сильной государственной власти система и структура византийского иммунитета существенно отличались от системы и структуры западноевропейского. Системные отличия состояли в объеме иммунитетных привилегий. До конца существования империи византийский иммунитет так и не вступил в завершающую стадию своего развития, т. е. стадию, на которой иммунитет получал привилегии во всем их возможном объеме. Византийское феодальное владение так и не превратилось в замкнутый иммунитетный округ. Структурные отличия византийского иммунитета от западноевропейского состояли в том, что в функционировании византийского иммунитета значительную роль играли податные привилегии. Известно, что структура западноевропейского иммунитета характеризовалась доминирующей ролью судебных и административных привилегий. Это отличие структуры византийского иммунитета связано также с наличием в Византии разветвленной налоговой системы.

Влияние античности на византийскую, и в частности поздневизантийскую, аграрноправовую систему и структуру проявлялось не только в опосредованном корреляционном воздействии названных разнородных факторов, связанных генетически с отношениями и институтами позд-

место. Однако нет оснований все сводить к ним. Доказательством того, что льготы и произвол иногда отражают учет частновладельческих интересов, является, например, то, что большинство засвидетельствованных ивирскими практиками случаев увеличения по прошествии нескольких лет подати при прежнем размере хозяйства, т. е. случаев повышения нормы эксплуатации, относится к парикам, обладавшим небольшим имуществом, тогда как случаи льгот — к привилегированным членам сельской общины — священникам. По-видимому, льготы и произвол при обложении телосом играли иногда определенную социальную роль, а именно отражали социальные различия между налогоплательщиками (К. В. Хвостова. Некоторые вопросы феодальной ренты по материалам ивирских практиков XIV в. — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 264, сл., табл. 6, 7). Если льготы и произвол повторялись, то учет частновладельческих интересов из правового прецедента превращался в постоянно действующую норму и означал переход телоса в сферу частного права, т. е. превращение ренты из публичноправовой в частноправовую.

⁶ Cl. Cahen. L'évolution de l'iqta du XI-e au XIII-e siècle. — «Annales», t. 8, 1953, № 1, p. 32 sq.; F. Lokkegaard. Islamic Taxation in the Classic Period. Copenhagen, 1950, p. 59 f.; И. П. Петрушевский. Аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М., 1960, стр. 347; В. Мутафчиева. Аграрные отношения в Османската империя през XV—XVI вв. София, 1962, стр. 44, 68, *passim*.

⁷ Тенденцией развития иммунитетных привилегий было их постепенное расширение. См. Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. — ВВ, XII, 1957, стр. 99; его же. Поздневизантийский феодализм. М., 1962, стр. 190, сл.; Г. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 67.

него Рима, но и в непосредственной преемственности античных институтов. Некоторые из них остались в позднее время неизменными, другие претерпели определенную метаморфозу. Далее мы постараемся показать, какова непосредственная преемственность античных традиций в византийских аграрноправовых отношениях и каково содержание происшедших изменений. Нас будет особо интересовать, состояли ли эти изменения в метаморфозе основного типа структурных связей феномена, т. е. того вида взаимодействия элементов системы, который определяет особый способ ее функционирования, придает ей замкнутый, гомогенный характер и изменение которого означает изменение самого феномена, появление новой гомогенной системы и структуры, или же произошли лишь некоторые несущественные системно-структурные изменения, которые не затронули основного типа структурных связей, и, следовательно, можно говорить о сохранении прежнего типа системы и структуры. Выявление основного типа системно-структурных связей — это сложная задача, решить которую можно в процессе детального социологического анализа функционирования системы во внешней среде.

Преемственность античности в сфере аграрноправовых отношений особенно ярко проявлялась в сфере правовой формы этих отношений. Эта преемственность выражается прежде всего в сохранении в поздней Византии римского вещного права Юстинианового периода. Византийское действующее право восприняло определение собственности и владения Юстинианова права и определенное разграничение этих институтов. Юстинианово право, как известно, понимает под владением всякое фактическое, т. е. телесное, господство над вещью. В то же время в Юстиниановом праве проводится различие между владением физическим и владением юридическим. Физическое владение — это фактическое телесное обладание вещью, называемое также естественным владением или держанием (*possessio naturalis, detentio*). Юридическое владение — это владение, при котором владелец высказывает намерение обладать вещью как собственностью⁸, т. е. имеет *animus possidentis*. Примером естественного владения, или держания, являлись земли, находившиеся в аренде у колонов, и пекулий рабов⁹, а в позднее время — держания париков. «Василики» и «Шестикнижье» Арменопула также проводят различие между юридическим и физическим владением¹⁰. Юридическое владение иногда совпадало, а иногда не совпадало с собственностью¹¹; кроме того, юридическое владение по истечении определенного срока превращалось в собственность¹². Аренда *μισθωτική νομή*, т. е. физическое владение, не могла перейти в собственность¹³. В то же время аренда колонов, а затем париков переходила в Византии в их наследственные держания. По закону императора Анастасия от 491 г. после 30 лет аренды участка колоны не могли быть согнаны с земли. Они прикреплялись к земле и считались наследственными владельцами. По-видимому, это постановление

⁸ В. М. Хвостов. История римского права. М., 1916, стр. 272; *Corpus juris civilis*, vol. I. *Digesta*, ed. P. Krueger. Berolini, 1954, XLI, II, 1, p. 697; XLI, II, 3, p. 698.

⁹ *Dig.*, XLI, II, 3, p. 698.

¹⁰ *Basilicorum libri LX*, ed. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1870, lib. L, tit. II, § 61, p. 54; *Constantini Armenopuli Hexabiblos*, ed. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1851, lib. II, tit. 4, p. 204 sq.

¹¹ В. М. Хвостов. История римского права, стр. 247.

¹² *Dig.*, XLI, II, 1, p. 697; *Corpus juris civilis*, vol. II. *Codex Justinianus*, ed. P. Krueger. Berolini, 1954, lib. VII, 33, p. 308; *Basilicorum libri LX*, lib. L, tit. I, § 9, p. 39; tit. II, § 25, p. 50; tit. III, § 3, p. 54; tit. X, § 1, 4, p. 71; tit. XI, § 1, p. 71; *Constantini Armenopuli Hexabiblos*, lib. II, tit. 4, p. 204 sq.

¹³ *Constantini Armenopuli Hexabiblos*, lib. II, tit. 4, p. 206.

имело юридическую силу и в поздней Византии. Практик Мамицона свидетельствует о том, что ряд паричских стасей произошел из аренды¹⁴. Владение по римскому классическому и Юстинианову праву, а также согласно «Василикам» и «Шестикнижью» Арменопола противопоставлялось собственности¹⁵. В «Дигестах» и «Василиках» специально подчеркивается, что собственность отличается от владения. Это отличие заключается в том, что юридическое владение прекращается, если владелец откажется от намерения обладать вещью, т. е. если он утратит *animus possidendi*, тогда как право собственности, означающее наиболее полное господство над вещью в пределах действующего права¹⁶, не уменьшается от нежелания собственника иметь собственность¹⁷.

Итак, в Византии сохранились в силе правовые нормы Юстинианова права, относящиеся к определению правового статуса владения и собственности. Эти правовые нормы не были юридической фикцией, они отражали действительно существовавшие на протяжении всей византийской истории правоотношения собственности и владения. В частности, правовая система византийской собственности во многом восходит к античным отношениям собственности. На протяжении всей византийской истории сохранялась полная безусловная собственность, являвшаяся в юридическом отношении римской квинтитской собственностью. Этот тип собственности был представлен безусловными вотчинами, не обязанными какими-либо государственными службами. В социально-экономическом отношении эти вотчины в Византии были весьма различны. Наряду с крупной вотчиной феодального типа имелись вотчины свободных крестьян, плативших государственные налоги. Существовали и другие виды собственности, которые в юридическом отношении были аналогичны видам античной собственности. Имелись общинные земли, собственность казны, императорские домены, стратегиотские надель. Однако если на протяжении веков византийской истории сохранялись основные виды собственности, характерные для системы античной собственности, то изменилась степень распространенности этих видов собственности, их социальная роль, особенности их функционирования в общественной системе правоотношений собственности в целом. Иными словами, произошли структурные изменения античной собственности: сильно сократилась свободная крестьянская собственность, постоянно поглощаемая крупным землевладением, значительно уменьшилось стратегиотское землевладение. В изменении структуры античной собственности в Византии, равно как и других форм собственности, существенную роль сыграло также появление новых форм общественного ограничения собственности.

Известно, что всякая собственность в любые эпохи подвергается социально-политическим ограничениям, не затрагивающим ее правовой статус. В период античности, а также на Западе в средние века и в Византии собственность подвергалась ограничениям в форме многочисленных *jura in re aliena*, главным образом сервитутов. Наряду с названными общественными ограничениями, характерными для ряда обществ, в каж-

¹⁴ Actes de Chilandar, ed. L. Petit. — ВВ, XVII, 4911. Приложение, № 92.61.

¹⁵ Dig., XLIII, 17.1, p. 738.

¹⁶ В. М. Хвостов. История римского права, стр. 107.

¹⁷ Dig., XLI, II, 17, p. 700; *Basilicorum libri LX*, lib. L, tit. II, § 16, p. 50. О праве собственности и владения по Юстинианову праву, о некоторых изменениях в представлениях о собственности см. F. C u q. *Les institutions juridiques des Romains*, t. 2. Paris, 1902, p. 819, 825; J. Declaireuil. *Rome et l'organisation du droit*. Paris, 1924, p. 389, sq.; E. Levy. *West Roman Vulgar Law. The Law of Property*. Philadelphia, 1951, p. 27, 32; C. A. C a n n a t a. *Possessio, possessor, possidere nelle fonti giuridiche del Basso impero romano. Contributo allo studio del sistema dei rapporti reali nell'epoca postclassica*. Milano, 1962, passim.

дом государстве существовали свои общественные ограничения собственности, отражавшие особенности данной социально-политической гомогенной системы. В Византии имелись многие формы общественного контроля над сферой частнопрововых отношений, в том числе и отношений собственности. Некоторые из этих ограничений, как, например, запрещение динатам при императорах Македонской династии скупать крестьянскую землю, носили провизорный характер, другие — например определенные формы регламентации рентных отношений — характерны для всей истории Византии.

Ряд структурных изменений, относящихся к античной форме собственности, не затрагивает, однако, основного типа структурных связей, который состоит в значительном распространении и большой социальной роли форм полной безусловной собственности. Функционирование и значительная роль в поздней Византии форм полной безусловной собственности — существенная особенность византийского аграрноправового строя, выделяющая Византию среди стран феодального мира, где господствовала иерархическая структура собственности, известная в западноевропейском средневековом праве как *dominium directum* и *dominium utile*.

Следует также учесть, что в позднее время произошли известные изменения не только в структуре античной собственности как таковой, но изменилась структура, равно как и система отношений византийской собственности в целом. Последнее связано с появлением ряда новых видов собственности, отражавших новые не только социально-экономические, но и правовые отношения. К этим видам относится служилая вотчина и прония — условное земельное владение типа бенефиция и лена. Характеристика этих новых форм собственности, поистине преобразовавших систему и структуру византийских правоотношений собственности, не входит в нашу задачу, поскольку нас интересует только преемственность античных форм собственности в византийскую эпоху. Необходимо, однако, обратить внимание на следующий чрезвычайно важный момент. Говоря о сохранении в позднее время системы и структуры античной собственности, мы имеем в виду исключительно правоотношения. Что же касается социально-экономических отношений, то, естественно, они претерпели со времени античности огромные изменения. В этой связи остановимся вкратце на сложной проблеме соотношения социально-экономического и юридического проявлений отношений собственности.

Необходимо четко различать несколько аспектов понятия собственности. Прежде всего нельзя забывать, что собственность — это понятие философское, социально-экономическое, правовое, морально-этическое, психологическое. В советской исторической, экономической и социологической литературе собственность зачастую трактуется очень однобоко. Рассматривается или только ее социально-экономический аспект, или проводится неоправданное смешение юридического и социально-экономического проявлений собственности. Совершенно забывается моральная сторона проблемы собственности, тесно связанная с ее юридическим аспектом, а также ее философское и психологическое содержание. Подобный подход к проблеме собственности, игнорирующий ее юридический аспект, наносит особый ущерб при рассмотрении феодальной собственности. Дело в том, что при феодализме собственность *de jure* и *de facto* очень часто не совпадают. При капитализме также возможны случаи подобного несовпадения, но реже. При феодализме же, например в странах мусульманского Востока, где юридически признавалось право собственности государства на земли подданных, частная собственность юридически имела ограниченное распространение, однако существовала *de facto*, т. е. как социально-экономическое отношение. Ярким образцом смешения социально-экономиче-

ского и юридического аспектов собственности при феодализме являются некоторые обобщающие работы социологического характера, посвященные проблеме собственности¹⁸. Для зарубежных исследований типично, наоборот, выпячивание на первый план юридического содержания собственности и умалчивание о ее социально-экономическом содержании¹⁹. Марксистские социологи и историки, естественно, не могут признать справедливой сугубо юридическую трактовку собственности. Однако неправомерным является и полное игнорирование этого аспекта (равно как и других вышеперечисленных аспектов) или его смешение с социально-экономическим. Необходимо четко определить и разграничить собственность как социально-экономическую и как юридическую категорию. В советской литературе утвердилось определение собственности с социально-экономической точки зрения как исторически обусловленной формы распределения материальных благ. Поземельная собственность в таком случае — это исторически обусловленная форма распределения земельного комплекса данного общества между отдельными его членами, связанная с особенностями производства. В новейшей экономической литературе появилась точка зрения, оспаривающая названное определение собственности. В книге чехословацкого экономиста О. Шика собственность определяется как постоянный процесс производства, распределения и потребления²⁰. По существу О. Шик отождествляет собственность с производственными отношениями. Подобная точка зрения не представляется справедливой. Собственность — это основа определенного типа производственных отношений. Отождествление собственности с производственными отношениями означает смешение генетического аспекта проблемы производственных отношений с аспектом системно-структурных интеграций. В юридическом отношении собственность — это право наиболее полного распоряжения вещью в пределах действующего права.

Функционирование римского правопорядка в поздней Византии происходило не только в сфере правоотношений собственности, но и в сфере владельческих отношений. Это проявилось в юридическом статусе поздневизантийской парикки. Парикки, как и колоны, владели землей *alieno nomine*, т. е. имели право физического, а не юридического владения землей, не имели права собственности. Владение париками землей *alieno nomine* свидетельствует о сохранении поздневизантийской париккией основного типа структурных связей, отличающего положение позднеимских колонов. Однако отмеченное сходство в положении поздневизантийских париков и античных колонов не позволяет полностью отождествлять положение тех и других²¹.

¹⁸ М. В. Колганов. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962; Л. И. Дембо. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954.

¹⁹ См., например, G. V. Richardson. *Economic Theory*. London, 1964, p. 111; A Concise Law Dictionary, ed. P. G. Osborn, 5th ed. London, 1964, p. 231.

²⁰ О. Шик. Экономика, интересы, политика. М., 1962, стр. 281.

²¹ Подобное мнение имеет распространение в науке. См. P. Lemerle. *Esquisse pour une histoire agraire de Byzance*. — «Revue historique», t. 220, 1958, p. 86 sq.; N. G. Svoronos. *Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance*. — «Annales», t. 11. 1956, p. 327; Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1960, № 2, стр. 102. Некоторые черты сходства колонов-энапографов и париков признает Ф. Дольгер. См. F. Dölger. *Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrh. für Athoskloster Iberon*. — «Abhandlungen der Bayer. Akad. der Wiss.», N. F., Bd. 28. München, 1949, S. 19. Anm. 45; i d e m. *Die Frage des Grundeigentums in Byzanz*. — In: «Byzanz und die europäische Staatenwelt». Etal, 1953, S. 226; i d e m. *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung*. Berlin, 1960, S. 67, Anm. 1. Из советских исследователей Е. Э. Липшиц придерживается мнения о сходстве положения позднеимских и ранневизантийских колонов-эна-

Наряду со сходством в структуре парикии и колоната имелись и определенные различия. Так, за поздневизантийским париком признавался больший элемент *animus possidentis*. Это обстоятельство нашло свое отражение в различии формуляров поздневизантийских практиков и позднееримских кадастров.

В основу византийских практиков XIV в. был положен формуляр первичных позднееримских кадастров²². Особенностью этого формуляра, отличающего первичные кадастры от вторичных, было то, что в них не применялись фискальные единицы *jugum* и *сарут*, земля фиксировалась в единицах земельной площади, а люди и скот просто перечислялись²³. В кадастрах вторичных земли группировались в фискальные единицы *jugum*, а зависимые держатели и скот — в единицы *сарут*²⁴. Однако формуляр поздневизантийских практиков имел и некоторые отличия от формуляра позднееримских кадастров. Одно из отличий сводилось к тому, что в позднееримских первичных кадастрах земля, находившаяся в держании колонов и переданная рабам в пекулий, фиксировалась в той же рубрике, что и остальная земля данного землевладельца, не переданная в держания зависимому населению²⁵. Таким образом, держания колонов и рабов не рассматривались как принадлежавшее им имущество. Иными словами, способ фиксации был таков, что не проводилось различия между землей, переданной в держание колонам и рабам, и находившейся в непосредственном распоряжении крупного земельного собственника. Такой же способ фиксации земли применялся и в кадастрах вторичного вида, с той только разницей, что в кадастрах этого вида земля группировалась в фискальные единицы *jugum*²⁶. По-видимому, можно считать, что способ фиксации в позднееримских кадастрах земли, переданной в держание колонам и находившейся в пекулии у рабов, вместе с остальной землей крупного землевладельца, эксплуатируемой иными путями, как раз и отражает то обстоятельство, что права юридического владения, *animus possidentis* на

пографов и поздневизантийских париков. Е. Э. Липшиц считает, что по своему положению позднееримские рабы существенно отличались от рабов классической эпохи; положение их весьма схоже с положением поздневизантийских париков. Положение позднееримских и ранневизантийских колонов также, по мнению Липшица, приближается к положению поздневизантийских париков (см. Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма. — ВИ, 1961, № 6, стр. 101; е е ж е. Очерки византийского общества и культуры в VIII в. М., 1961, стр. 118). Е. Э. Липшиц указывает на то, что в «Дигестах» о рабском пекулии говорится как о *quasi patrimonium* (Е. Э. Липшиц. Пути формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. — ВВ, XIII, 1956, стр. 38). Однако те же «Дигесты», как уже говорилось, в другом месте совершенно точно, а не образно, как в данном случае, определяют юридический статус рабского пекулия и держания колона как физическое владение, или держание, как владение, при котором отсутствует *animus possidentis*, т. е. владелец признает свою зависимость от другого владельца или собственника. Точку зрения исследователей, отождествляющих положение колонов с положением позднееримских колонов и рабов, критикует Б. Т. Горянов (Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм, стр. 413 сл.). Однако он не подкрепляет свою критику какими-либо аргументами и не обосновывает также свою точку зрения о различии положения париков и колонов.

²² В позднееримское время существовало два типа кадастров — первичные и вторичные. Первичные кадастры составлялись на основе донесений налогоуполномоченных об имевшемся у них имуществе. Вторичные кадастры составлялись на основе первичных и применялись для исчисления налога. См. J. Karayannopoulos. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958, S. 46; A. Délaage. Le capitatum du Bas-Empire. Macon, 1945, p. 66, 173, passim.

²³ J. Karayannopoulos. Das Finanzwesen..., S. 46.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Об этом свидетельствуют типы кадастров, воспроизведенные И. Караяннопулосом (J. Karayannopoulos. Das Finanzwesen..., S. 48).

²⁶ Ibid., S. 50, 51.

земли, находившиеся в держании колонов и рабов, принадлежали крупным земельным собственникам, а колоны и рабы были только физическими владельцами²⁷.

Совершенно иной способ фиксации недвижимости характерен для поздневизантийских практиков. Земля, находившаяся во владении париков, всегда записана в тот стих (графу) практика, который содержал описание имущества и состава семьи данного парика. Отмеченное отличие в способах фиксации земли, находившейся в распоряжении поздневизантийского парика и переданной в держание позднеримским и ранневизантийским колонам и рабам, отражает, по-видимому, то обстоятельство, что в отношении владельческих прав поздневизантийских париков признавались некоторые элементы прав юридического владения, т. е. *animus possidentis*. Признание за поздневизантийскими париками больших элементов *animus possidentis*, по сравнению с позднеримскими колонами, объясняется, по-видимому, длительной исторической традицией фактического владения землей со стороны зависимого населения, а также воздействием процессуального права, в котором парики, равно как и колоны, иногда рассматривались как *quasi despoti*, и генетически связано с тенденцией превращения паричского держания во владение особого юридического статуса независимо от личности держателя. Есть сведения о том, что паричская стась сохраняла свой характер владения особого юридического статуса, даже если она оказывалась покинутой своим владельцем. В практиках Ивирского монастыря упоминаются покинутые стаси Птохоиоанна и Скиомата, не переданные вновь во владения парикам и записанные в той же рубрике, что и земля, не поделенная на стаси²⁸. По-видимому, эти покинутые стаси перешли в собственность монастыря, и подать с них должна была взыскиваться впредь также непосредственно с монастыря (на практике она делегировалась монастырю), тем не менее эти стаси сохранили свое название паричских стасей и не смешивались с остальной землей, не поделенной на стаси. Подать с этих стасей также фиксировалась отдельно от налога с земель, не поделенных на стаси. Вероятно, эти стаси землевладелец мог вновь передать в держание парикам, и в таком случае подать, взимавшаяся со стасей, вновь перекладывалась с монастыря на париков. Подать определенного размера, таким образом, как бы становится неотъемлемым элементом данной стаси.

Перед нами явление, весьма сходное с положением на средневековом Западе, где, как известно, рента с каждого конкретного надела закреплялась обычаем и не зависела от того, кто являлся держателем этого надела. Таким образом, в Византии начинает складываться понятие зависимого, подчиненного надела — явление, которое в сербском средневековом праве нашло весьма точное определение «меропшска баштина», т. е. зависимое наследственное владение зависимого крестьянина, статус которого не меняется от того, принадлежит ли это владение крестьянину или попадает в непосредственное распоряжение крупного земельного собственника.

К сожалению, неизвестно, насколько прочно в византийское правосознание вошла практика противопоставления паричской стаси владениям.

²⁷ Впрочем, приведенные Караяннопулосом таблицы создают не совсем точное впечатление относительно действительного состояния позднеримских кадастров: Из таблиц следует, что земля во всех случаях без исключения фиксировалась как принадлежавшая земельному собственнику. Однако в кадастре с о. Лесбоса в некоторых случаях земельные держания фиксируются как принадлежавшие арендаторам, называемым *γεωργοί* (Inscriptiones Graecae. Berolini, 1848, vol. 12, f. 2: Inscriptiones insularum maris Aegaei, p. 36, 79 b. 5; 79 b. 9). По-видимому, в данном случае подразумеваются свободные арендаторы, имеющие *animus possidentis*.

²⁸ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika, A 155—157, S. 126.

не поделенным на стаси — домениальным землям и землям, переданным в аренду, т. е. понималось ли такое противопоставление как правовой прецедент или как правовая норма. Иными словами, неясно, стало ли понятие «паричская стась» неотъемлемым атрибутом всякого паричского надела. Не исключено, что иногда, если парик покидал свой надел, покинутая стась теряла характер надела определенного правового статуса и приобщалась к остальной земле, не поделенной на стаси. Ивирские практики неоднократно упоминают о покинутых землях, не называя их первоначальных держателей, включенных в общий комплекс земель, не находившихся в паричском держании. Иными словами, понятие «паричская стась» как определенный правовой институт, по-видимому, находилось в XIV в. еще в стадии формирования.

Таким образом, в структуре владельческих прав зависимого крестьянства поздней Византии произошли по сравнению с соответствующими правами античных колонов известные структурные изменения, состоявшие в признании за париками большего элемента *animus possidentis* по сравнению с положением античных колонов. В то же время сохранился основной тип структурных связей: зависимое население по-прежнему признавалось владельцем земли *alieno nomine*.

Структура византийской парикии позднего времени отличалась от позднеримского колоната не только в отношении объема юридических прав на землю, но и с точки зрения особенностей эксплуатации. Мы уже отмечали, что основным компонентом византийских феодальных рент были ренты частноправового характера. Ренту частноправового характера платили также и позднеримские колонаты. Наряду с частноправовой рентой и колонаты и поздневизантийские парики платили государственные налоги. Однако структурные особенности эксплуатации колонатов состояли в преобладании централизованного типа эксплуатации посредством взимания налогов, тогда как для структуры эксплуатации париков характерно, как отмечалось выше, постоянное возрастание роли частноправовой ренты.

Непосредственное влияние античных традиций чрезвычайно ярко проявилось в сфере налогообложения. До конца существования империи в Византии по существу сохранились основные черты Диоклетиановой системы и структуры налогообложения. Эта система никогда официально не отменялась и ни разу не подверглась существенному реформированию, хотя на протяжении столетий под влиянием сложного переплетения различных общественных, политических и правовых факторов она претерпела, естественно, определенные изменения²⁹.

²⁹ Существует точка зрения, согласно которой определенные изменения в структуре Диоклетиановой системы обложения произошли в VII в. Эти изменения будто бы заключались в исчезновении единства между подушной и поземельной податями. Литературу вопроса см. в историографическом обзоре: А. П. Каждан. Византийская деревня VII—XV вв. в освещении западноевропейской и американской историографии (1917—1959). — ВВ, XXII, 1963, стр. 127 сл. Однако, как показали новейшие исследования, единство подушной и поземельной податей отнюдь не составляло основного типа структурных связей Диоклетиановой системы. Нередко подушная и поземельная подати взимались отдельно. Есть также мнение, согласно которому основные принципы Диоклетиановой системы оставались в силе на протяжении всей византийской истории. Так полагает, в частности, Ф. Дэльгер (F. Dölger. Beiträge..., S. 48). В то же время он считает, что от конкретных финансовых учреждений Диоклетиановой системы не осталось камня на камне (ibid., S. 9). Однако Дэльгер не показывает, в чем конкретно в средне- и поздневизантийский период проявились черты, свойственные Диоклетиановой системе. А. П. Каждан пытается доказать, что в позднее время принципы этой системы окончательно исчезли (А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 145). Однако он слишком схематично подходит к проблеме. Многие его выводы представляются нам неверными.

Сохранение в поздневизантийский период основных особенностей Диоклетиановой системы и структуры проявилось, в частности, в том, что в Византии, как и в Диоклетианово время, был распространен поземельный налог на средней урожай, взимаемый в соответствии с качеством земли³⁰. Зависимое и непривилегированное население уплачивало в Византии, так же как и в Диоклетианово время, не поземельный налог как таковой, а совокупный подушно-поимущественный сбор, называемый телосом, исчисление и взимание которого основывалось на методе механического приравнивания отдельных податных объектов друг к другу.

Функционирование в Византии подушно-поимущественного принципа обложения, выступавшего в названной примитивной форме, и сохранение поземельного налога, взимаемого в зависимости от качества земли, свидетельствуют о сохранении основного типа структурных связей Диоклетиановой системы. Именно отмеченные качества придают Диоклетиановой системе специфический характер, определяя особый тип ее функционирования и отличая ее от других исторически известных типов систем налогообложения. Следует отметить, что в позднее время сохранился не только основной тип структурных связей Диоклетиановой системы, но и многие другие ее структурные связи, отражающие конкретные формы проявления основного принципа налогообложения. В то же время некоторые структурные связи, характерные для Диоклетиановой системы, претерпели в позднее время существенные изменения. Кое-какие изменения произошли и в системе обложения. Постараемся конкретно проследить состояние системно-структурных связей, характерных для Диоклетиановых форм обложения в позднее время.

В поздней Византии, так же как и в Диоклетианово время, существовало несколько видов налога с зависимого и непривилегированного населения. При обложении телосом париков, обладавших значительными земельными наделами (больше 25 модиев), основным объектом обложения являлась земля; движимое имущество, а также число членов семьи не оказывали значительного влияния на размер телоса. Хорошо обеспечены землей были парики, зафиксированные в практике стримонских владений Хиландаря³¹, а также парики, записанные в практике деревни Мамипона³². Парики этих владений уплачивали 1 перпер с 25—100 модиев земли. Многие парики владений Радоливо, Добровикия, Овил, принадлежавших Ивирскому монастырю и записанные в практиках 1316 и 1341 гг., имели значительные наделы под виноградниками. Телос этих париков зависел в основном от размеров земельной площади, засаженной виноградником: с 4 модиев взимался 1 перпер³³.

Итак, в рассмотренных практиках налог в 1 перпер соответствует 25—100 модиям пахотной земли и 1—4 модиям земли под виноградником. Но чем же объяснить колебания в нормах обложения? Бесспорно, отсутствует какая-либо единая причина. Указанные колебания объясняются сложным корреляционным воздействием ряда факторов. Прежде всего колебания в норме обложения могут быть отнесены за счет качества земли³⁴. Возможно, колебания в ставках объясняются также учетом при

³⁰ Об этом подробно см. К. В. Хвостова. К вопросу об особенностях налогообложения в Византии. — ВВ, XXVI, 1965.

³¹ В. Мошин. Хиландарски практик. — «Споменик САН», № 91. Београд, 1939, стр. 193 сл.

³² Actes de Chilandar, № 92.

³³ F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . . , S. 189.

³⁴ Правда, в поздневизантийских практиках при описании паричской земли качество ее не указывается, однако о качестве земли всегда говорится при описании не поделенных на стаси земель. Можно предполагать, что качество учитывалось и при обложении крестьянских земель, и нет ничего удивительного в том,

обложении движимого имущества. Определенную роль в колебании налоговых ставок играли, несомненно, и внеэкономические факторы: имели место произвол апографевсов и льготы, предоставляемые отдельным налогоплательщикам. Колебания в налоговых ставках с земель, засаженных виноградником, возможно, объясняются тем, что нередко к площади под виноградником присчитывалась и некоторая, отдельно не обозначенная площадь под садом.

Несмотря на значительные колебания в ставках, рассмотренные случаи показывают, что для структуры налогообложения характерны минимальные и максимальные нормы обложения, зависящие от размеров земли. Эти нормы, т. е. 1 перпер с 25—100 модиев пахотной земли и 1 перпер с 1—4 модиев земли под виноградником, совпадают с нормами обложения государственного налогом в трактатах землемеров XIII в.³⁵ Кроме того, эти нормы иногда весьма близки, а иногда полностью совпадают с нормами обложения земель, не поделенных на стаси, в поздневизантийских практиках.

Определенная функциональная зависимость минимальных и максимальных ставок от размеров земли, отличающая структуру телоса рассматриваемого вида, показывает, что телос поздневизантийских париков, имевших значительные земельные наделы, — это по существу поземельная подать, которая весьма близка к некоторым видам *capitatio* Диоклетиановой системы. По-видимому, этот вид телоса близок по своей системе и структуре *capitatio* того вида, при котором поземельная подать сливается с подушной и податью за скот, в то время как основным объектом обложения является земля³⁶. Мы говорим — по-видимому, так как не исключено, что при взимании телоса рассматриваемого вида движимое имущество хотя и фиксировалось в практиках, но не оказывало никакого влияния на размеры подати. Телос в таком случае обнаруживает сходство с *capitatio terrena*³⁷.

Если парики, записанные в рассмотренных практиках, обладали значительными земельными наделами, то большинство париков, зафиксированных в практиках Ивирского монастыря, главным образом парики деревень Мелинциан, Гомат, Иериссо, записанные в практиках 1301, 1316, 1321 и 1341 гг., а также парики, записанные во многих других известных нам практиках, или имели незначительные земельные наделы (менее 25 модиев), а также незначительные наделы под виноградниками, или же не имели земельных наделов вовсе³⁸. Основным объектом при обложении этих париков являлось все имущество в целом, как движимое, так и недвижимое (или при отсутствии недвижимости — только движимое). При больших размерах движимого имущества, главным образом скота, величина подати зависела в основном от размеров этого вида движимости³⁹. При полном отсутствии земли подать взималась за движимое имущество⁴⁰. В какой-то мере учитывалось и число членов семьи. При полном отсутствии всякого как движимого, так и недвижимого

что качество земель париков не указывается, так как такое обозначение в отношении каждой паричской стаси чрезвычайно усложнило бы формуляр практика.

³⁵ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. — «Труды VI археологического съезда», т. II. Одесса, 1888, стр. 307.

³⁶ A. Dé l é a g e. La capitation du Bas-Empire, p. 167.

³⁷ Этот вид *capitatio* имел распространение в Македонии и Фракии в IV в. См. A. Dé l é a g e. La capitation du Bas-Empire, p. 205; А. Р а н о в и ч. Колонат в римском законодательстве II—V вв. — ВДИ, 1951, № 1, стр. 88.

³⁸ См. табл. № 1—3 в нашей статье «Некоторые вопросы феодальной ренты по материалам ивирских практиков», стр. 248—256.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

имущества парики уплачивали все же небольшой подушный сбор. Телос малоземельных париков генетически восходит и повторяет систему и структуру *capitatio* Диоклетиановой системы, при взимании которой подать на землю, скот и подушная подать сливаются воедино и при этом величина подати определяется количеством скота⁴¹. Телос безземельных париков не отличается от *capitatio animalium* Диоклетиановой системы. Если число членов семьи оказывало влияние на размер телоса этого вида, то в таком случае телос аналогичен тому виду *capitatio*, при котором подать за скот и подушная подать сливаются в единую ставку. Телос полностью неимущих париков аналогичен *capitatio humana* и *capitatio plebeia*⁴².

Итак, система и структура различных видов византийского телоса обнаруживают определенные черты сходства с системой и структурой различных видов *capitatio* по Диоклетиановой системе обложения зависимого и непривилегированного населения, которые проистекают из генетической связи поздневизантийской системы обложения с Диоклетиановой.

Сходство поздневизантийской и Диоклетиановой систем и структур обложения зависимого населения, как уже говорилось, не исключает ряда отличий названных систем и структур. Не будь этих отличий, мы вообще не говорили бы о генетической связи двух форм налогообложения, а констатировали бы неизменное на протяжении столетий существование Диоклетиановых форм налогообложения. Понятие генезиса, однако, предполагает известное отличие феноменов, находящихся в генетической связи.

Отличие поздневизантийских форм налогообложения от Диоклетиановых состоит в исчезновении к позднему времени фискальных единиц *jugum* и *caput*, которые в Диоклетианово время служили для группировки различных податных объектов в целях приравнивания их ценности при обложении⁴³. Впрочем, метод приравнивания отдельных податных объектов друг к другу в целях обложения составлял, несмотря на исчезновение фискальных единиц *jugum* и *caput*, существенную структурную особенность и поздневизантийской системы обложения, обусловливая, как уже отмечалось, функционирование прежнего типа основных структурных связей. Парики, обладавшие большим количеством скота, платили, как правило, не менее высокие подати, чем парики, обладавшие значительным количеством земли. Как уже отмечалось, в Византии до конца ее существования так и не возникла денежная оценка стоимости имущества. Отдельные виды имущества, как об этом свидетельствуют практики, только перечислялись, их стоимость учитывалась как бы на глаз. Прimitивные архаические принципы взимания телоса, характерные для структуры византийского налогообложения и отличавшие его от обложения во многих странах средневековой Западной Европы, объясняются, несомненно, воздействием структурных принципов Диоклетиановой системы, именно влиянием характерного для Диоклетиановой структуры метода механического приравнивания ценности различных податных объектов без их денежной стоимостной оценки. Таким образом, в позднее время произошли известные модификации в способах приравнивания отдельных податных объектов друг

⁴¹ A. Déléage. La capitation du Bas-Empire, p. 167.

⁴² J. Karayanopoulos. Das Finanzwesen..., S. 24 f.

⁴³ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 140 сл. О фискальных единицах *jugum* и *caput* см. A. Pigniol. La capitation de Dioclétien. — «Revue historique», t. 176, 1935, p. 10; F. Lot. Nouvelles recherches sur l'imrôt foncier et la capitation personnelle sous le Bas-Empire. Paris, 1955, p. 161, 182, passim; J. Karayanopoulos. Das Finanzwesen..., S. 41.

к другу, свидетельствующие, бесспорно, об известных изменениях в структуре. В то же время сохранился неизменным основной принцип приравнивания податных объектов, являющийся компонентом основных принципов структуры, основного типа структурных связей.

Некоторые изменения в позднее время по сравнению с Диоклетиановым периодом произошли также в форме подушного принципа обложения. В некоторых случаях остается неясным, в какой мере число налогоплательщиков влияло на величину подати и влияло ли оно вообще. Дэльгер считает, что в позднее время число налогоплательщиков не учитывалось при обложении⁴⁴. Бесспорно, источники не дают возможности проследить четкую функциональную связь между числом налогоплательщиков и высотой подати. Однако, поскольку налогоплательщики неизменно перечисляются в практиках, по-видимому, высота подати находилась в определенной корреляционной зависимости от их числа. Что же касается того, что эту зависимость трудно определить, то это связано с исчезновением фискальной единицы *caput*, в силу чего, как уже отмечалось, приравнивание податных объектов стало в высшей степени неопределенным и зачастую произвольным. Эта же неопределенность и произвольность характеризуют и учет паричского имущества при обложении, что также связано с исчезновением *jugum* и *caput*.

В некоторых случаях, тем не менее, можно обнаружить корреляционную зависимость между числом налогоплательщиков и высотой подати. Более многочисленные семьи уплачивали, как правило, более высокий телос. Например, в деревне Иериссо в 1301 г. наиболее многочисленные семьи, состоявшие из 9 и даже 14 человек, уплачивали наивысшую в этой деревне подать в 1,5 перпера. Причем у семьи, состоявшей из 14 человек, хозяйство было сравнительно невелико (2 коровы, 1 зевгарь, 2 модия под виноградником и 2 модия хорафиев). Для данной деревни в указанный период это хозяйство средней величины, так что, очевидно, на высоту подати оказало влияние число членов семьи. Небольшое хозяйство было также у семьи из 9 человек⁴⁵.

Итак, некоторые рассмотренные особенности поздневизантийской системы и структуры налогообложения зависимого населения свидетельствуют о преемственности как основного типа структурных связей, так и некоторых других особенностей структуры налогообложения тех же категорий населения по Диоклетиановой системе. Наряду с этим произошли определенные системно-структурные изменения, свидетельствующие об известных модификациях Диоклетиановой системы на протяжении столетий. Преемственность некоторых античных институтов в сфере обложения говорит об известном отставании византийской системы налогообложения по сравнению с системами налогообложения в Европе того времени, где внедрялся подходящий принцип обложения и применялась денежная оценка имущества.

Перейдем далее к рассмотрению еще одной особенности поздневизантийского налогообложения, также связанной с влиянием античных правовых и фискальных элементов на аграрноправовую строй и одновременно свидетельствующей, с одной стороны, о сохранении античных традиций, а с другой — о возникновении новых явлений, отличающих структуру и систему поздневизантийских аграрноправовых отношений от соответствующих отношений античности.

⁴⁴ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika, S. 15, Anm. 35. Впрочем, раньше Дэльгер признавал зависимость поздневизантийского телоса от числа налогоплательщиков (i d e m. Beiträge. . . , S. 52).

⁴⁵ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika, A 131/132, 140/141.

Выше мы отмечали, что в основу поздневизантийских практиков был положен первичный позднеримский кадастр. В этих кадастрах скот, находившийся во владении колонов или переданный в держание рабам, фиксируется в графе, в которой указываются сами рабы, колоны и члены их семьи⁴⁶. В конце кадастра иногда отдельно перечисляется скот, находившийся в непосредственном распоряжении землевладельца⁴⁷. В кадастрах вторичного вида весь скот, находившийся как во владении колонов и рабов, так и в непосредственном распоряжении землевладельца, фиксируется или в особой графе, или в одной графе вместе с рабами и колонами⁴⁸, или же отдельно фиксируется скот, принадлежавший рабам и колонам, и отдельно — находившийся в непосредственном распоряжении крупных земельных собственников⁴⁹.

Хотя в основу поздневизантийских практиков был положен тип первичного кадастра, формуляр этого кадастра, как уже отмечалось, претерпел значительные изменения. В поздневизантийских практиках скот, находившийся в непосредственном распоряжении землевладельца, вообще не фиксировался; фиксировался только скот, принадлежавший парикам. Такое изменение формуляра поздневизантийских практиков по сравнению с позднеримскими кадастрами, бесспорно, свидетельствует об определенных изменениях в структуре обложения. В позднее время скот, принадлежавший непосредственно землевладельцу, перестал учитываться при обложении, а учитывалась только земля. Подать с крупных привилегированных землевладельцев, таким образом, приобретает характер сугубо поземельной подати. Но поскольку при обложении паричских стасей скот по-прежнему учитывался, можно считать, что структура системы обложения основным налогом претерпела к этому времени изменения, состоявшие в появлении сословного принципа обложения. Вернее, изменение структуры состояло в появлении новой формы сословного принципа обложения, так как указанный принцип обложения, хотя и в другой форме, существовал и в Диоклетианово время. Согласно Диоклетиановой системе, крупные собственники не платили подушную подать, тогда как зависимое население, а также свободное крестьянство уплачивали *capitatio humana* и *capitatio plebeia*⁵⁰. В поздневизантийское время изменилась социальная роль подушного принципа обложения непривилегированного и зависимого населения. Однако этот принцип, хотя и в видоизмененной форме, продолжал функционировать в позднее время. Мы видели, что неимущие парики уплачивали подушный сбор. Кроме того, наряду с подушным принципом обложения непривилегированного и зависимого населения появляется новая форма сословного принципа обложения, заключающаяся в том, что крестьянство — как зависимое, так и свободное — платило подушно-поимущественный сбор — телос, т. е. налог за движимое и недвижимое имущество, а привилегированные землевладельцы-феодалы подлежали обложению только поземельным налогом. Ограниченное количество источников не дает возможности более или менее точно определить время появления названного изменения в структуре, мы можем только констатировать наличие этого изменения в позднее время.

Вопрос о разных принципах обложения паричских стасей и земель, не находившихся в паричском держании, т. е. по существу вопрос о сослов-

⁴⁶ A. Délagé. La capitatio du Bas-Empire, p. 175 sq.; J. Karayannopoulos. Das Finanzwesen. . ., S. 481.

⁴⁷ A. Délagé. La capitatio du Bas-Empire, p. 179.

⁴⁸ J. Karayannopoulos. Das Finanzwesen. . ., S. 50—51.

⁴⁹ Ibidem; A. Délagé. La capitatio du Bas-Empire, p. 179.

⁵⁰ A. Délagé. La capitatio du Bas-Empire, p. 176.

ном принципе обложения, был поставлен Н. Звороносом, хотя он и не употребляет этого определения.

Однако мы не можем согласиться как с постановкой вопроса, так и с выдвинутой им аргументацией. Н. Зворонос характеризует телос как совокупный налог, состоявший из синоны, капникона и поземельного налога⁵¹. Такое определение делается на основании практика 1073 г., но следовало бы сказать, что система телоса позднего времени изменилась. В этот период телос не имел в своем составе частей под названием синона, капникон, а определялся и взимался как единая ставка.

О совокупном характере телоса применительно к этому времени можно говорить, только имея в виду совокупный объект обложения, в качестве которого выступало все имущество в целом — как движимое, так и недвижимое. В этом, как уже говорилось, и состояло отличие телоса от налога с привилегированных землевладельцев. Однако Зворонос вопреки фактам отнюдь не в этом качестве телоса усматривает его отличие от налога с крупных землевладельцев. Зворонос полагает, что различие в обложении париков и крупных земельных собственников состояло в том, что поземельный налог, входивший в состав совокупной паричской подати — телоса, отличался по принципам взимания и нормам обложения, т. е. по своей структуре, от поземельной подати с домениальных земель. Поземельный налог, входивший в состав телоса париков, Зворонос характеризует как налог на урожай (*sur la production*)⁵², тогда как поземельный налог с земель, не находившихся в паричском держании, определяет как налог на обрабатываемую площадь (*sur la terre travaillée*)⁵³.

Однако поземельный налог с земель, не находившихся в паричском держании, являлся налогом не с обрабатываемой площади, а налогом на средний урожай, так как при обложении применялась дифференцированная система учета качества земли. Точно такой же характер — об этом также говорилось выше — носил поземельный налог, уплачивавшийся париками и составлявший часть их телоса. Таким образом, сословный принцип обложения основным налогом в Византии никак нельзя усматривать в разном характере обложения поземельным налогом паричских стасей и земель, не находившихся в паричском держании.

Что же касается утверждения Н. Звороноса о разных нормах обложения паричских стасей и земель, не находившихся в паричском держании, то такое различие действительно иногда существовало. Однако это различие не отражало различия в принципах обложения разных сословий, т. е. разного характера налогов, как считает Н. Зворонос, а являлось результатом практики предоставления льгот привилегированному сословию и допущения произвола в отношении непривилегированного.

Наличие разных норм обложения поземельным налогом париков и крупных земельных собственников свидетельствует, таким образом, только о типично сословном подходе к вопросам обложения в сословном государстве. Наряду с наличием фактов, свидетельствующих о разных нормах обложения поземельным налогом паричских стасей и земель, не поделенных на стаси, имели место случаи, как мы уже отмечали выше, совпадения норм обложения поземельным налогом паричских стасей и земель, не поделенных на стаси. О таком совпадении говорят данные практика Мамиконы и стримонских владений Хиландаря. Сведения этих практиков с очевидностью показывают, что там, где наблюдалось разли-

⁵¹ N. G. Svoronos. Recherches sur le cadastre byzantine et la fiscalité au XI-e et XII-e siècles: le cadastre de Thèbes. — BCH, t. 83, 1959, p. 141.

⁵² Ibid., p. 141.

⁵³ Ibidem.

чие в нормах обложения поземельным налогом разных сословий в Византии, оно было результатом не принципов обложения, а практики обложения. Таким образом, факты различия в нормах обложения поземельным налогом разных сословий свидетельствуют о различии не структурного, а конъюнктурного характера⁵⁴.

Аргументы, приведенные Н. Звороносом в подтверждение его тезиса о разных нормах обложения поземельным налогом париков и крупных земельных собственников, вызывают возражения. Пытаясь доказать свой тезис, Зворонос применяет порочный метод сравнения цифровых данных. Сравнимые им величины неоднородны. Норма обложения парических стасей, равная 1 номисме с 75 модиев, вычислена им на основе единственного источника — практика 1073 г., тогда как норма обложения земель, не находившихся в парическом держании, равная 1 номисме с 200—300 модиев, получена как средняя величина нескольких норм, взятых из разных источников XI в. Вряд ли справедливо делать вывод о различии в нормах обложения на основе сопоставления, с одной стороны, величины, взятой только из одного источника, а с другой стороны, величины, являющейся средним числом ряда величин, содержащихся в разных источниках. Произвольность вывода, полученного в результате такого сопоставления, становится еще более очевидной, если принять во внимание, что в одном из источников, данные которого использованы Звороносом для получения средней нормы обложения не поделенных на стасы земель, норма обложения этих земель составляет 1 номисму с 75 модиев⁵⁵, т. е. равняется норме обложения парических стасей, полученной Звороносом на основе Патмосского практика 1073 г.

Само вычисление средней нормы обложения поземельной податью, входящей в состав телоса, проведенное Звороносом на основе данных практика 1073 г., также изобилует неточностями. Принимая во внимание данные практика о том, что зевгараты уплачивают в качестве синоны и капникона 1 номисму, а вообще податные ставки для зевгаратов колеблются в пределах 2,5—4 номисм, Зворонос предполагает, что если из этой суммы в 2,5—4 номисмы, уплачиваемой зевгаратами, вычтеть долю синоны и капникона, то оставшая часть подати, колеблющаяся, следовательно, в пределах от 1,5 до 3 номисм, и является поземельной⁵⁶. Само по себе это предположение не лишено вероятности, однако неясно, почему средняя величина этой части подати составляет у Звороноса в среднем 3 номисмы, хотя среднее арифметическое — $2\frac{1}{4}$ номисмы.

Если же высчитать среднюю величину подати 17⁵⁷ перечисленных в практике зевгаратов, то получится приблизительно 2 номисмы. Неполнотно также, откуда получается средняя норма обложения зевгаратных земель, равная 1 номисме с 75 модиев: данные о размерах наделов зевгаратных париков взяты Звороносом из «Трактата землемеров» XIII в., согласно которому эти наделы колеблются между 100 и 300 модиями, так что средняя величина надела оказывается равной 200 модиям. А поскольку средняя величина подати составляет около 2 номисм, то средняя норма обложения оказывается равной 1 номисме со 100 модиев.

⁵⁴ Под конъюнктурой в современной литературе, посвященной системно-структурному анализу, подразумевается временный тип функционирования системы по отношению к определенному периоду анализа. См. «Sens et usage du terme structure...», p. 56, 68, 111.

⁵⁵ G. Rouillard, P. Collomp. Actes de Lavra, t. 1. Paris, 1937, № 37.

⁵⁶ N. G. Svoronos. Recherches sur le cadastre byzantin..., p. 141.

⁵⁷ Подать одного зевгаратного парика из проастия Олинф не указана, но она может быть вычислена на основании общей суммы податей всех париков, из которой следует вычтеть сумму податей всех тех, размеры податей которых специально указаны.

Кроме того, как это, впрочем, признает и сам Зворонос⁵⁸, на самом деле зевгаратные парики могли иметь надель самой различной величины, так что норма в 100—300 модиев, которую дают трактаты землемеров XIII в., не соответствовала действительности.

Неточности имеются не только в вычислении нормы обложения паричской податью, но и в других рассуждениях и расчетах Н. Звороноса, проведенных им на основе данных Патмосского практика 1073 г. Например, явно не соответствует фактам замечание Н. Звороноса, будто синона и капникон с владений Олинф, Варис, Гамма и других, упоминаемых в Патмосском практике, не поступали великому domestiku Андронику Дуке, которому передаются эти владения, согласно данному практику⁵⁹. К такому выводу Н. Зворонос приходит на том основании, что в хрисовуле Михаила VII, оформившем пожалование Андронику Дуке названных владений, говорится, что с этих земель наряду с прочими налогами не должны взыскиваться также синона и капникон⁶⁰. Зворонос считает, что, поскольку синона и капникон не должны были взыскиваться, значит, они упразднились.

Однако Ф. Дэльгер⁶¹ и Г. Острогорский⁶² показали, что все перечисляемые в практиках налоги поступали тому, для кого составлен практик. Это означает, что освобождение от уплаты налогов в казну, о чем говорится в освободительной клаузуле *dispositio* хрисовулов, и упоминание об этом в практике иммунитета означало не упразднение перечисленных налогов, а передачу их имуннисту.

Исходя из неверного положения, Зворонос производит неверные расчеты. В практике сказано, что денежный доход с Вариса, Олинфа, Гаммы и других владений, передаваемых Андронику Дуке, равнялся к моменту составления практика вместо первоначальных 57¹/₂ номисм — 37 номисмам. Эта сумма включает лишь сумму податей с паричских стасей, тогда как арендная плата высчитана отдельно. Зворонос, проверяя эту сумму, подсчитал все подати с паричских стасей во всех владениях, исключая зевгаратий, поскольку последний не записан в стих каждого царика, а приводится как единая очень незначительная сумма, причитающаяся со всех париков данного владения. Подсчеты Звороноса дали не 57¹/₂, а 67¹/₂ номисм и 1 миллиарсий⁶³. Этой исправленной на основе собственных подсчетов суммой Зворонос оперирует в дальнейших рассуждениях. Стараясь объяснить, почему вместо 67¹/₂ номисм и 1 миллиарсия Андроник Дука получил только 37 номисм, Зворонос исходит из своего неверного предположения, будто сумма синоны и капникона со всех владений упразднилась, а не передавалась Андронику. Он высчитывает сумму синоны и капникона со всех владений, которая оказывается

⁵⁸ N. G. Zvononos. Recherches sur le cadastre byzantin... , p. 140, n. 1.

⁵⁹ Ibid., p. 139 sq., n. 7.

⁶⁰ ММ, VI, 2. Зворонос утверждает, будто об освобождении упомянутых владений от синоны и капникона говорится в самом практике, чего в действительности нет.

⁶¹ F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika, S. 11.

⁶² Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 234 сл.

⁶³ Подсчет Звороноса неточен. Если пытаться исправить общий итог доходов от основного налога со всех владений на основе собственных подсчетов (что, впрочем, вряд ли целесообразно, так как цифры, на основе которых ведутся эти подсчеты, могут быть столь же ошибочны, как и общий итог), то надо исправить и его компоненты. Поэтому следовало бы исправить ошибочную сумму в 13 номисм и 8 миллиарсиев с владения Варис на 11,5 номисм и 10 миллиарсиев, так как именно эта сумма получается в результате сложения налогов всех перечисленных париков Вариса. Кроме того, если подсчитать всех капникариев, то их оказывается не 25, как говорится в практике, а 24. Зворонос же принимает цифру 25.

равной $32\frac{1}{2}$ номисмам. Эту сумму он вычитает из $67\frac{1}{2}$ номисм и получает 35 номисм и 1 милиарисий. Но как получить 37 номисм, которые записаны в практике? Для этого Зворонос прибавляет к 35 номисмам и 1 милиарисию сумму зевгаратикиев со всех владений, составляющую 1 номисму и 8 милиарисиев, и получает 36 номисм и 9 милиарисиев. Но до 37 номисм недостает еще трех милиарисиев, и Зворонос без всяких оснований полагает, что эти три милиарисия приходятся на зевгаратикий двух зевгаратных париков, подати которых в практике не указаны⁶⁴.

Однако прибавление суммы зевгаратикиев совершенно не обосновано. Весьма сомнительно, чтобы зевгаратикий со всех владений, не будучи включенным в общую сумму дохода с этих владений (а именно так считает Зворонос), был присчитан только к остатку за вычетом синоны и капника. Такое предположение совершенно произвольно и ни на чем не основано. Кроме того, неправомерно, что одну из сумм, приведенных в практике ($57\frac{1}{2}$ номисмы), Зворонос исправляет на основе собственных подсчетов и оперирует в дальнейших расчетах с этой исправленной суммой, т. е. с $67\frac{1}{2}$ номисмами и 1 милиарисием. Другую же сумму практика (37 номисм), проверить которую нельзя, он принимает как достоверную. Но ведь она может быть так же ошибочна, как и первая.

Все эти неточности в расчетах Звороноса доказывают только то, что на основании практиков, относительно которых было бесспорно доказано, что они изобилуют неверными данными⁶⁵, следует производить расчеты крайне осторожно.

Что же касается выражения в практике — вместо $57\frac{1}{2}$ номисм — 37 номисм, то здесь подразумеваются, по-видимому, налоговые изъятия (класмы, симпатеи и др.), о которых речь идет и в других местах данного практика.

Таким образом, расчеты и рассуждения Н. Звороноса не только не доказали наличия разных по своему характеру принципов обложения паричских стасей и земель, не поделенных на стаси, но и различия в нормах обложения поземельным налогом разных сословий, хотя это различие действительно иногда существовало.

Итак, в Византии не было никакой разницы в принципах обложения поземельным налогом различных сословий — привилегированного сословия крупных земельных собственников феодального типа и непривилегированного — свободных крестьян и частнозависимых париков. Структура поздневизантийского налогообложения отличалась функционированием сословного принципа обложения, состоявшего в том, что привилегированное сословие подлежало обложению только поземельным налогом, тогда как непривилегированное — подушно-поимущественным.

Названное изменение в структуре налогообложения, состоявшее в появлении в поздней Византии новой формы сословного принципа обложения, свидетельствует наряду с другими структурными изменениями (исчезновение фискальных единиц *jugum* и *сарут*) о некоторых сдвигах в византийской структуре обложения, об известном отказе и в этой наиболее традиционной области от античных принципов. Некоторые изменения формуляра практиков по сравнению с первичными кадастрами го-

⁶⁴ ММ, VI, р. 11.24—27; 13.24—28.

⁶⁵ Заметим, кстати, что в практике фигурируют не два, а три зевгаратных парика, налоги которых не указаны. Два из них действительно названы на стр. 11.24—27 издания Миклошича—Мюллера, а третий — на стр. 12.32—34. На стр. же 13.24—28, на которую ссылается Зворонос, назван парик проскафимен Георгий Анемотрих, относительно которого не сказано, зевгарат он, воидат или актимон.

ворят об отказе от античных традиций и при составлении юридических документов, т. е. в той сфере, где влияние античных традиций было чрезвычайно сильным.

В итоге рассмотрения влияния античных элементов на поздневизантийскую аграрноправовую систему и структуру мы пришли к выводу, что это влияние было двояким. Наряду с опосредствованным влиянием, выразившимся в том, что многие кардинальные особенности византийского аграрноправового строя, например некоторые формы отношений собственности, рентные отношения, иммунитет, сформировались под воздействием корреляции трех социально-экономических и политико-юридических факторов, генетически связанных с различными формами социальной активности поздней Римской империи, поздневизантийский аграрноправовой строй характеризовался также чертами, свидетельствующими о непосредственной преемственности в позднее время ряда позднеримских аграрноправовых институтов и отношений. Несмотря на значительное правотворчество поздневизантийской эпохи, в это время сохранялись в силе правовые нормы римского вещного права, относящиеся к римским формам собственности и владения. В поздневизантийский период сохранялась античная система собственности, т. е. продолжали существовать основные элементы, основные виды античной собственности. Наряду с этим продолжал функционировать основной тип структурных связей античной собственности, выразившийся в большой социальной роли форм полной безусловной собственности типа римской квинтиской собственности. В силу этого можно говорить о сохранении в поздней Византии типа античной собственности. В то же время произошли и некоторые структурные изменения: появились новые формы общественного ограничения собственности, изменились соотношение и социальная роль ее отдельных видов. В позднее время продолжал также функционировать основной тип структурных связей, отражавший владельческие правоотношения античности; содержанием его было владение зависимым населением землей *alieno pomine*. Произошли и некоторые структурные изменения, в частности поздневизантийские пары обладали большим элементом *animus possidentis* по сравнению с позднеримскими колонатами. Однако сохранение основного типа структурных связей позволяет говорить о функционировании прежнего типа правоотношений. Преемственность античных форм социальной активности проявилась также в сфере налогообложения. В позднее время продолжал действовать основной тип структурных связей Диоклетиановой системы, проявившийся в наличии своеобразной формы подушно-поимущественного принципа обложения и определении поземельного налога в зависимости от качества земли.

Вместе с тем произошли и немаловажные системно-структурные изменения. Исчезли фискальные единицы *jugum* и *сарут*, возникли новые формы проявления сословного принципа обложения. В целом в связи с сохранением основного типа структурных связей можно считать, что в позднее время, несмотря на ряд модификаций, функционировал тип Диоклетиановой системы обложения.

Итак, по прошествии многих столетий влияние античности было весьма значительным во многих сферах аграрноправовых отношений Византии. Благодаря этому влиянию система и структура византийских аграрноправовых отношений отличались большой сложностью и специфичностью. Следует, однако, отметить, что сохранение поздневизантийскими аграрноправовыми отношениями системно-структурных особенностей, характерных для античности, наблюдалось исключительно в сфере правоотношений, функционирования фискальных институтов,

а также практики составления юридических документов. Однако влияние античности не распространялось на социально-экономическое развитие позднего времени. Социально-экономические отношения поздней Византии в целом и в области аграрного развития в частности существенно отличались от соответствующих отношений античности. Для поздневизантийских аграрноправовых отношений характерно интенсивное развитие феодализма. В силу этого, с точки зрения марксистской историографии, онтологическим принципом которой является признание в качестве примата общественного строя страны, ее социально-экономического развития, общественные отношения поздней Византии, в том числе и аграрные отношения, не могут быть квалифицированы как тождественные античным⁶⁶.

⁶⁶ Попытку отождествления византийского общественного строя с античным предприняли французские исследователи П. Лемерль и Н. Зворонос. См. P. Lemerle. *Esquisse pour une histoire agraire de Byzance*, p. 89; N. G. Svoronos. *Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance*, p. 327 sq.